

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРИАНГАРЬЕ

Сопредседатели: Харченко Л. Н., д-р ист. наук, профессор (Иркутский государственный университет путей сообщения); Коновалова С. В., начальник отдела этноконфессиональных отношений управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по связям с общественностью и национальным отношениям; Арзуманов И. А., д-р культурологии, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Иркутский государственный университет).

АРЗУМАНОВ И. А.

ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАКРОМАРКЕРЫ

Для России вступление в глобализирующийся мир носит откровенно революционный характер и сопровождается чередой кризисов, явившихся следствием кардинального слома политико-правового строя и коренного изменения внутренней и внешней политики, государственно-правовых принципов в целом. Основной водораздел, как совершенно справедливо отмечается большинством исследователей – от культурологов до политологов и экономистов, лежит в области идеологической. Прежде всего, в процессах либеральной проекции на реалии политико-правовых систем стран, не принадлежащих к либеральному дискурсу в своих культур-цивилизационных основах. В западных же странах (а именно их принципы в силу ряда причин формируют глобализационные, в том числе политико-правовые, тенденции), в отличие от России, стран восточной Европы и Азии, государственно-правовая доктрина, формируясь поступательно, не подвергалась радикальной трансформации на протяжении всего их исторического развития.

В результате, в этих государствах в рамках поступательного процесса была достигнута достаточная степень гармоничности между правом и другими государственными и социальными ин-

ститутами. Очевидно, что внедрение подобных образцов в инкультурную среду других государств не может проходить абсолютно гладко без комплекса потенциальных проблем и противоречивых последствий для их политико-правовых систем.

Глобализация имеет ряд макроизмерений, нуждающихся в детальной нормативно-правовой институализации в правовом поле международных отношений и РФ. Как отмечает В. Н. Фурс, утрата «сильным» понятием общества самоочевидного характера, вызванная деконвенционализацией социальной жизни после распада «организованного модерна» на рубеже 60–70-х гг. XX в., привела к глубокому кризису репрезентации в социальной теории. Предельно остро встали вопросы о том, что, собственно, представляет собой реальность, изучаемая социологией, и возможно ли вообще ее теоретическое описание. Постмодернистская стратегия (представленная Ж. Бодрийяром, З. Бауманом, М. Маффесоли и др.) [3; 4; 6], основана на отождествлении декомпозиции идеи общества с «исчезновением социального» вообще и вытекающем отсюда тезисе о «завершении модерна», в исторической перспективе которого только и возникает само понятие социального.

Вторая линия – «неомодернистская» (Ю. Хабермас, Э. Гидденс, А. Турэн и др.) [7; 8; 9; 23; 24] – представляет собой попытку такого кардинального переосмысления феномена модерна, которое позволяет определить наличное состояние дел не как постмодерн, а как продолжение и радикализацию модерна и, тем самым, задает новый горизонт для построения общей теории социальной жизни уже вне рамок «сильного» понятия общества. Если «постмодерн» был ключевым понятием, содержащим радикальную диагностику времени и поэтому центрировавшим дискуссию по основным вопросам социогуманитарного знания в 80-е гг., то в 90-е гг. на подобный статус по праву претендует нарротив «глобальности» [22].

Его институциональные измерения [16, с. 32] являются основными в предметном ряду интерпретаций идеологических проектов модернизации современной России. Определение Гидденсом эпохи глобализации как эпохи позднего модерна имеет, на наш взгляд, существенное значение. Макрометодологические позиции анализа должны базироваться на осознании того, что и глобализация, и модернизация – понятия, касающиеся совокупности различных процессов становления и развития современных обществ, – тем не менее, имеют один интеграционно-идеологический модуль – секуляризационный. Модернизация

протекает через ренессансную автономизацию светской культуры по отношению к религиозной, а затем – через характерное для XVIII в. кантовское трехстороннее разделение теоретического, этического и эстетического миров. Такая дифференциация и автономизация сделала возможным, с одной стороны, последующее развитие «реализма» как в искусстве, в эпистемологии, а, с другой, политико-правовую дифференциацию свободы совести и гражданских свобод от теократических дискурсов [15, с. 73].

Многовековой разворот секуляризма, ставший становым хребтом Нового времени, на современном этапе, казалось бы, привел к таким трансформациям, при которых аксиологические локусы традиционных религиозных институтов более не актуализируются социальной реальностью.

Интенсивная реализация секулярных тенденций, которые были уже изначально заложены в самой природе модерна, институциональная и индивидуальная атомизация общественной жизни ставят, таким образом, под вопрос саму возможность маркировки ряда классических социальных функций религии и понимания религиозности как идеолого-доминирующего общественного фактора. С другой стороны, многообразие идеологий эпохи модерна в условиях России подразумевает и процессы «глобальной локализации» ценностных метанарративов антроподоктринальных интенций религиозных культур традиционного типа. Являясь детерминантой ряда национальных государств с имперскими интенциями политической культуры, они сами претерпевают институциональную модификацию, обусловленную общей социокультурной трансформацией. Речь идет не только о процессах макрорегионализации стран по признаку культурцивилизационной или политико-правовой маркировки, но и характеристиках локальных этноконфессиональных общностей. Данный посыл актуализируется констатацией видения процессов в России как переходных от традиционного общества к современному в его, прежде всего, идеологической маркировке социополитической модернизации государственного обустройства РФ на рубеже XX–XXI вв. (Идеологический императив модернизационных процессов тем более очевиден, чем явственнее становятся последствия фрустрации экономических и геополитических амбиций политического руководства России после краха СССР, фактически отбросившего экономику страны в эпоху раннего Модерна.)

Основной акцент пришелся на идеологизацию исходящих из либерализма принципов формирования политико-правовой системы РФ. В основе – реализация принципов конституционализма, децентрализации и федерализма [12, с. 6]. Россия, в рамках проекта «суверенизации» субъектов РФ, с начала 90-х гг. переживала деунификацию политического и правового пространств. Декларативная квинтэссенция идеологических параметров позднего модерна, атомизация и деидеологизация общественного сознания обосновываются конституционными положениями. В положениях первой главы Конституции РФ либерально-демократический принцип конституционности определен в качестве элемента философско-политического дискурса, основанного как на интенциях ограничения властно-контрольных функций и полномочий государства как политического института в области прав и свобод человека, так и опасений праворадикальных издержек национализма. Не случайно положения 13-й (идеологический плюрализм) и 14-й (равноправие религиозных институтов) статей логически увязываются в рамках первой, базовой конституционной главы. В ней фактически обосновывается идеологизация либерально-демократического подхода к основным характеристикам Российского государства, экономическим и политическим основам конституционного строя, основам организации государственной власти.

Но уже с начала XXI в., в качестве «реакции» на внутреннюю дисгармонизацию национальной политической и правовой систем на начальном этапе их модернизации, последовали процессы «укрепления вертикали власти», упорядочивание механизмов государственного управления и регулирования политико-правовыми процессами. Период политико-правовой «суверенизации» субъектов РФ сменился периодом «путинских реформ», направленных на формирование так называемого «централизованного федерализма». Эти процессы в методологических рамках характеристик позднего модерна возможно определить как фактор, маркирующий объективные «девестернизационные» модуляции неолиберальной идеологии при декларации приверженности политического руководства принципам демократии с «российским лицом».

В свете данных процессов одной из главных задач современного российского государства становится достижение гражданского мира и согласия в обществе в рамках обеспечения стабильности, являющегося гарантией его нормального функциониро-

вания. Был принят ряд национальных проектов, в том числе иллюстрирующих декларацию актуализации обращенности к традиционным культур-религиозным координатам. Важным компонентом обеспечения функционально-интеграционной эффективности государственных институтов в условиях поликонфессионального государства выступает, прежде всего, система правового регулирования государственной политики в культур-религиозной сфере.

На современном этапе интегративные интенции государства входят в апорию с конституционными положениями. Признание идеологического многообразия устанавливает запрет для государства, государственных органов и должностных лиц в процессе деятельности по осуществлению государственно-властных функций и полномочий руководствоваться не Конституцией РФ, законом, иными нормативными актами, а той или иной идеологией как системой определенных аксиологических детерминант социального поведения. Одновременно этот запрет адресован и другим субъектам права, к примеру, общественным объединениям, т. е. провозглашение той или иной идеологии в качестве обязательной в сфере образования, художественном творчестве и иных сферах общественной жизнедеятельности людей признается антиконституционным. Для Конституции РФ безразлично количество, численный и социальный состав, идеология создаваемых общественных объединений. Конституция РФ устанавливает, что принципы организации общественного объединения не должны противоречить требованиям демократии и прав человека, цели и деятельность общественных объединений должны быть тождественны существующему конституционному строю.

В свете положений констатируется, что существующая конституционно-правовая деидеологизация общественного сознания порождает апорию нормативно-правового обеспечения вероисповедной политики и реалий национальных приоритетов, определяемых цивилизационно-культурологическими составляющими функциональных свойств религиозного пространства. В данном контексте вероисповедная политика государства осуществляется в поле объективного противостояния различных религиозно-идеологических систем, используемых идейно-политическими течениями и направлениями. С учетом геополитических характеристик отмечаемой апории основных культур-религиозных систем (христианство и буддизм, прежде всего) вероисповедная политика России, например в XVIII – нач. XX вв., формировалась

в качестве одной из доминирующих идеологических подсистем, унифицирующей мировоззренческий плюрализм в контексте с сущностными интеграционными интенциями государства.

Таким образом, в свете социополитических форм реализации современной идеологии необходимо констатировать ряд положений. С одной стороны, касаясь проблем методологии исследования региональных особенностей вероисповедной политики России XX–XXI вв., мы выходим на уровень понимания вероисповедной политики как одной из доминирующих идеологических подсистем процессов унификации. С другой – сам факт доминирования конституционного принципа идеологического разнообразия приводит не только к идеологическому, но и к мировоззренческому плюрализму, вступая в конфликт с сущностными интеграционными интенциями государства. Последнее на практике реализации механизмов государственного регулирования детерминирует обращение к традиционным культур-религиозным институциям, продуцирующим идеологемы национального единства. Данный макрометодологический разворот, по нашему мнению, является одним из основных при осмыслении проблем государственного регулирования процессов в российском религиозном пространстве в эпоху позднего модерна.

Понятие глобализации в качестве макродинамической характеристики позднего модерна достаточно емко отражено в процессах идеологической модернизации правовой базы государственного регулирования культур-религиозной сферы. Секулярный окрас принципов вероисповедной политики с позиций регионализма представляется, с одной стороны, одним из маркеров современной идеологии, с другой, в контексте региональной девестернизации входит в апорию со спецификой традиционно-религиозного мировосприятия, которое должно учитываться при анализе государственной политики в отношении религиозных организаций и верующих. Краеугольным камнем проблемы видится принцип светскости государства как органичное следствие процессов модернизации культур-правового сознания.

На сегодняшний момент большинство стран мира считаются светскими. Тем не менее, в научной литературе данный вопрос не получил должного освещения, хотя вопросам и проблемам светскости как характеристике государства посвящено довольно значительное количество исследований. Так, среди зарубежной научной литературы можно и нужно отметить работы таких авторов, как Ж. Боберо, С. Феррари, Ч. Мирабелли, И. Бэнсон,

Г. М. Моран, Э. Сьюэлл, У. К. Дурэм, К. Шмитт, М. Элон, Р. Бхарва и ряда других ученых [5; 6; 20; 21; 11].

В российской научной литературе, к сожалению, достаточно мало фундаментальных исследований, посвященных вопросам светскости государства – необходимо отметить только работы П. Н. Дозорцева и И. В. Понкина [10; 17; 18; 19]. Однако отдельным вопросам светскости в научной и учебной литературе посвящено большое количество различных работ, среди которых можно выделить работы М. В. Баглая, С. А. Авакьяна, В. И. Червонюка, М. Б. Смоленского, В. Г. Стрекозова, В. А. Терехина, А. Н. Кокотова, М. И. Кукушкина, О. Е. Кутафина и др. [1; 2]. Например, И. В. Понкин классифицирует совокупность светских государств по такому основанию, как «мера отделения религиозных объединений от государства, проявляющаяся при оценке по двум критериям: 1) наличие партнерства государства и религиозных объединений и 2) влияние норм религиозного права на правовую систему государства» [18, с. 293]. Модерный принцип светскости определяет организацию взаимоотношений между государством и церковью как двух центров власти в обществе «формального, которым является государство, и неформального». Если подходить к проблеме определения понятия «светское государство» с этой точки зрения, то, как пишет в этой связи П. Н. Дозорцев, «имеется множество нюансов и подходов, которые демонстрирует современная практика государственного строительства каждого конкретного государства. Все это говорит о том, что страны, стремящиеся организовать отношения государства и церкви на основе принципов светского государства, зависят на этом пути не только от религиозных, национальных, культурных и традиционно-исторических факторов, но и от развития общественно-политической и экономической ситуации, на изменение которой они должны своевременно реагировать» [10, с. 128–129].

Обобщение опыта становления современных моделей государственно-конфессиональных отношений, выявление трудностей и ошибок в практической реализации конституционных принципов свободы совести и вероисповеданий в России позволит наметить новые пути реформирования вероисповедной политики государства.

Предлагаемый модуль предполагает в дальнейшем постановку следующих целей и задач научно-исследовательского дискурса:

- в контексте этико-правовой проблематики осмыслить путь, пройденный российским государством в формировании новой модели вероисповедной политики, а также характер сложившихся на сегодня государственно-конфессиональных отношений;

- проанализировать конституционно-правовые основы вероисповедной политики государства в свете проблем реализации положений Конституции РФ;

- изучить практическую деятельность органов государственной власти и управления (прежде всего, на региональном и местном уровнях) в сфере свободы совести и вероисповеданий.

Политико-правовая парадигма научного исследования, в свете данных положений, должна базироваться на макрометодологических позициях общетеоретических разработок религиоведения и социологии, вне которых адекватно рассматривать социокультурную и политическую проблематику уже невозможно.

Литература

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 3-е изд., стер. – М. : Юристъ, 2010. – Т. 1. – 720 с.

2. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2007. – 784 с.

3. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества / З. Бауман. – М. : Весь мир, 2004. – 188 с.

4. Бауман З. Мыслили социологически [Электронный ресурс] / З. Бауман. – М., 1996. – URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/bauman-globalizaciya-8l.pdf>.

5. Боберо Ж. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность? [Электронный ресурс] / Ж. Боберо. – URL: <http://www.zerkalonedeli.com/3000/3690/35532>.

6. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Культур. революция, Республика, 2006. – 269 с. – (Мыслители 20 века).

7. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – № 1. – С. 57–82.

8. Гидденс Э. Политика, управление и государство // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1992. – № 3. – С. 78–107.

9. Гидденс Э. Социология : пер. с англ. / науч. ред. В. А. Ядов ; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.

10. Дозорцев П. Н. Развитие светской государственности в России: история и современность / П. Н. Дозорцев. – СПб. : С.-Петербург. акад. МВД России, 1998. – 242 с.

11. Дурэм У. К. Перспективы религиозной свободы: сравнительный анализ / У. К. Дурэм. – М., 1999. – 64 с.

12. Иванов В. Пугинский федерализм. (Централизаторские реформы в России в 2000–2008 гг.) / В. Иванов. – М. : Территория будущего, 2008. – 216 с.

13. Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2010. – 544 с.

14. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. Б. Смоленский, М. В. Маргхейм, Е. Е. Тонков. 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 2009. – 446 с.

15. Контексты современности: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории : хрестоматия : пер. с англ. – Казань, 1995. – 145 с.
16. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век / И. И. Лукашук. – М., 2000. – 279 с.
17. Понкин И. В. Правовые основы светскости государства и образования / И. В. Понкин. – М. : Про-Пресс, 2003. – 416 с.
18. Понкин И. В. Светскость государства / И. В. Понкин. – М. : Изд-во Учеб.-науч. центра довуз. образования, 2004. – 466 с.
19. Понкин И. В. Современное светское государство: конституционно-правовое исследование / И. В. Понкин. – М. : Ин-т гос.-конфес. отношений и права, 2005. – 412 с.
20. С испанской точки зрения: Беседа с профессором Глорией Моран // Религия и права человека: На пути к свободе совести. Вып. 3 / сост. Л. М. Воронцова, А. В. Пчелинцев, С. Б. Филатов ; под общ. ред. С. Б. Филатова. – М., 1996. – С. 89–97.
21. Феррари С. Церковь и государство в Западной Европе: итальянская модель // Мировой опыт государственно-конфессиональных отношений : учеб. пособие / под общ. ред. Н. А. Трофимчука. – М., 1999. – С. 110–130.
22. Фурс В. Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса [Электронный ресурс] / В. Н. Фурс. – URL: www.i-u.ru/biblio/archi.
23. Хабермас Ю. Концепции модерна. Ретроспектива двух традиций // Политические работы / Ю. Хабермас. – М., 2005.
24. Хабермас Ю. Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии // Политические работы / Ю. Хабермас. – М., 2005.

БАГАЕВА К. А.

К ВОПРОСУ О КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

На современном этапе развития общества в условиях модернизации и глобализации как никогда ранее становится очевидной и актуальной проблема толерантности. Для нашей страны эта проблема еще более интересна в связи с ее исторической поликонфессиональной структурой. Главной особенностью является то, что в российской культуре можно выделить религию большинства и по отношению к ней религиозные меньшинства. При этом первая глубоко интегрирована в отечественную историю и культуру и составляет существенную сторону культурно-национального менталитета значительной части граждан страны.

В Бурятии, начиная с XVII в., со времени проникновения православной культуры, укоренения буддизма, складывается также интересная в религиозном плане ситуация. Бурятия – край с исторически сложившимся полиэтническим и поликонфессиональным составом населения. Сегодня на ее территории проживают представители более 116 этносов, которые имеют свои религиозные предпочтения.